

Г. Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

«ВСЁ, ЧТО ГОВОРIT И ДЕЛАЕТ ФИЛОСОФ – ЕГО ЛИЧНЫЙ АВТОПРОЕКТ...»¹

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-280-303

Смирнов С. А.: Григорий Львович, я предварительно Вам присылал реперные вопросы для ориентации. Мне бы хотелось, чтобы наш разговор был не в жанре формального пинг-понга, а в жанре разговора-размышления. Лично для меня это вопрос не праздный – когда и почему вдруг философ начинает писать свою автобиографию? Ведь до сих пор она воспринимается как такое украшение, вишенка на торте. Главное же – его сочинения. Хайдеггер так и отвечает, что биография вся между датами. Родился – тире – помер. Поэтому давайте теперь обсуждать сочинения.

Тульчинский Г. Л.: Ещё женился.

Смирнов С. А.: Женился, детей родил, уехал-приехал, развёлся. В общем, вся его частная жизнь. Но потом всё равно помер. Воспринимают автобиографию почему-то как воспоминание о своей частной жизни, с разной степенью объективности, субъективности, правды, неправды, лжи, умысла. Сразу возникает соблазн замочной скважины и так далее.

Но, мне кажется, что это не про то. С таким же успехом можно писать автобиографию врача, учителя, дворника – кого угодно. Вроде, не про это. А, вроде, про то, что автобиография философа начинается не сразу, не тогда, когда он родился, и не заканчивается, когда он умер, вообще-то говоря. Вы вот как, Григорий Львович, уже начали писать свою философскую автобиографию?

Тульчинский Г. Л.: Тут есть два хитрых момента. Первый момент: философ свою автобиографию пишет с момента...

Смирнов С. А.: С рождения?

Тульчинский Г. Л.: С момента осознания себя как философа. И всё то, что он говорит и делает, – это, в общем-то, его автобиография, его личный автопроект, который он реализует.

Смирнов С. А.: То есть, строго говоря, он её даже не пишет – он сначала действует, и этими действиями он её и пишет.

Тульчинский Г. Л.: Ну, конечно. Даже само писание – это и есть действие.

Смирнов С. А.: Да, это и есть действие.

Тульчинский Г. Л.: Даже если он молчит, это тоже действие.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Даже если что-то замалчивает, как тот же Хайдеггер.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это по большому счету.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: Но есть те, кто, действительно, пишет специальную эту философскую автобиографию. Представляют из своей жизни некий текст,

¹ Разговор записан 31 августа 2019. Интервью проведено в рамках гранта РФФИ № 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации».

который имеет смысл только на момент его написания, а потом он как бы превращается в некий артефакт, который начинает жить своей жизнью и обрастает какими-то комментариями, опять же – комментариями на молчание и на всякие другие вещи.

Смирнов С. А.: Это потому что он её придумал.

Тульчинский Г. Л.: Ну да. Это же нарратив.

Смирнов С. А.: Да, это нарратив. И когда мы обсуждаем её как некий жанр, как литературный текст...

Тульчинский Г. Л.: Один из философских нарративов. Философская наррация ведь очень многообразна.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это и односложия, это и байки, это и романы, и притчи, и комментарии к ним как некие компендиумы, и вырастающие из этих компендиумов некие системы. В конце концов, и поступок, и жизнь человека рефлексирующего – тоже есть некий философский текст, который потом интерпретируется. На эту тему можно говорить много. Но, в узком смысле, есть канонические тексты, которые действительно можно рассматривать как автобиографию.

Смирнов С. А.: Например?

Тульчинский Г. Л.: Ну, например, Августин.

Смирнов С. А.: Но исповедь – это всё-таки тоже один из жанров, не обязательных для автобиографии.

Тульчинский Г. Л.: Это форма скриптизации своего бытия, его осмысления, рефлексии. И, если Вы спрашиваете меня, то у меня есть такой давний проект. Он частично реализован.

Смирнов С. А.: «Истории по жизни»?

Тульчинский Г. Л.: Но я бы не сказал, что это автобиография. Проект называется «Опыт персонологической систематизации». Если Вы внимательно смотрели «Истории по жизни», там есть такой подзаголовок. И на самом-то деле заголовок был именно этот, а «Истории по жизни» – это одна из форм.

Смирнов С. А.: Одна из форм.

Тульчинский Г. Л.: Одна из форм. Потому что вторая форма у меня созревает – «Мои люди». Это люди, которые сыграли какую-то существенную роль в моей жизни: кто-то – как помощник, кто-то – как некий посредник, этаким Вергилий, кто-то – как якобы враг (или думает, что он противник и враг).

Смирнов С. А.: И в Вашей жизни был Вергилий?

Тульчинский Г. Л.: Лично у меня «вергилиев» было несколько.

Смирнов С. А.: Несколько.

Тульчинский Г. Л.: Люди, которые помогли перейти из одного жизненного круга в другой. Есть учителя, есть помощники... У меня уже сложилась целая систематизация таких «моих людей». А про «Истории по жизни» некоторые думают, что это моя автобиография, воспоминания.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Ничего подобного. Я никогда не вёл ни дневников, ни чего-то подобного. Это просто личностное предание, некие личностные байки, которые каждый из нас рассказывает незнакомым людям в период знакомства, ухаживания, в больничке, в купе поезда. Такие «истории по жизни», слегка funny, слегка смешные, слегка поучительные, но они должны описывать некие

жизненные ситуации, в которые человек попадал либо попадали его близкие люди. И такие истории всегда рассказываются «по случаю», применительно к каким-то жизненным ситуациям.

Смирнов С. А.: А вот К. С. Пигров в своей статье, размещённой в подборке материалов по скриптитизации² написал: вот Тульчинский рискнул, подставился – и его часть общества подвергла остракизму. Я сильно удивился. В его тексте так написано.

Тульчинский Г. Л.: Остракизма не заметил. Правда, судился с одним странным человеком.

Смирнов С. А.: А, даже так. Судился даже?

Тульчинский Г. Л.: Это было, да. Но тот человек ничего не выиграл. Самое-то главное – это именно личностное предание. Это не биографические данные, это такое легендирование. Потому что с каждым новым рассказом он отшлифовывается, рассказывается чуть по-другому.

Смирнов С. А.: Также добавляется отношение к этому рассказу.

Тульчинский Г. Л.: Конечно, это же мнения. Это не факты.

Смирнов С. А.: Да, это не факты.

Тульчинский Г. Л.: И я бы сказал, что опыт с «Историями по жизни» мне существенно помог. Он реально прочистил некоторые отношения, я кое-что про себя понял немаловажное. Но я бы не сказал, что это автобиография, тем более – философская.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: То есть это совершенно другой жанр.

Смирнов С. А.: Это другой жанр.

Тульчинский Г. Л.: Другой. Поэтому я бы вернулся к широкому смыслу Вашего вопроса о философской автобиографии. Что делает философ? Он, в общем-то, в конечном счёте, реализует свою как-то осмысленную жизнь. И всё не кончается с окончанием текстов, постановкой точки и даже – с уходом из жизни. Процесс продолжается. На похоронах и поминках я обычно говорю близким, что человек не умирает один раз, но он продолжает жить в памяти других людей, и жив до тех пор, пока его помнит хотя бы один человек.

Смирнов С. А.: Но он и рождается не один раз.

Тульчинский Г. Л.: И рождается не один раз.

Смирнов С. А.: Тем более, как автор он же может рождаться тоже разным и быть разным.

Тульчинский Г. Л.: И вообще, мы живём и продолжаем жить непрерывно меняясь и переосмысляя прожитое. А то, не дай Бог, напишешь автобиографию, а пройдет год или дня три – и ты уже на то, что произошло, по-другому смотришь.

Смирнов С. А.: По-другому. В этой связи Вы можете вспомнить своё первое рождение как философа?

Тульчинский Г. Л.: Как философа? Ну, что-то можно такое вспомнить. Но это, опять же, будет...

Смирнов С. А.: Естественно, это будет Ваше легендирование.

Тульчинский Г. Л.: Это мое легендирование.

² См.: Пигров К.С. Скриптитизация авось-бытия, или апология интимного дневника // Философские науки. 2008. № 8. С. 98–106.

Смирнов С. А.: Ну, понятно. Это же не метрики.

Тульчинский Г. Л.: Если бы мне кто-нибудь сказал ещё в техникуме, который я заканчивал, о том, что я буду работать лектором, что буду писать что-то, что буду связан с философией, я бы в глаза плюнул этому человеку. Потому что меня и в школе, и в техникуме даже к доске не вызывали. Потому что я жутко заикался. И поэтому, чтобы я горлом зарабатывал деньги – это невозможно было себе представить.

Смирнов С. А.: Но Вы ещё не знали, что это лечится? Или как?

Тульчинский Г. Л.: Меня лечили, в том числе, методом Дубровского³.

Смирнов С. А.: Какого?

Тульчинский Г. Л.: Это тот метод, который показан в первых кадрах «Зеркала» у А. Тарковского.

Смирнов С. А.: У Тарковского? А, «Я могу говорить», первые кадры фильма. Замечательно совершенно.

Тульчинский Г. Л.: Меня лечили этим методом. Всю группу вылечили, меня – нет. Мне сказали, что я не поддаюсь лечению.

Смирнов С. А.: Вот так. Значит, только самотренаж...

Тульчинский Г. Л.: Нет, про заикание – это отдельная история.

Смирнов С. А.: Это отдельная история.

Тульчинский Г. Л.: Да. Потому что в какой-то момент я понял, что не заикаюсь, когда с кем-то ругаюсь.

Смирнов С. А.: Да, это психологическое что-то.

Тульчинский Г. Л.: И я стал себя настраивать вести как-то так...

Смирнов С. А.: Через самокоррекцию поведения...

Тульчинский Г. Л.: Да. Даже близкие мне говорили: «Ты убери напор. Ты чего бочку катишь?» Я говорю: «Я никуда никакую бочку не качу. Просто это стилистика общения». Легкое заикание осталось с тех пор. Но мне ещё помогла наша театральная студия в техникуме.

Смирнов С. А.: Да, это хорошая вещь.

Тульчинский Г. Л.: Очень сильно помогла.

Смирнов С. А.: Речевые упражнения...

Тульчинский Г. Л.: И эта студия вообще сыграла важную роль этакого триггера. Появился серьезный интерес к театру, драматургии. После вторых питерских гастролей театра на Таганке образовалась большая группа интересующихся современным искусством, художественными практиками... Но это отдельная история. Кстати, описанная в «Историях по жизни».

Смирнов С. А.: Это с тем составом «таганковским»?

Тульчинский Г. Л.: Конечно. Мы стояли три ночи. К нам приходил В. Золотухин. Мы пели песни. Стояли в живой очереди за билетами две ночи. А когда касса открылась, нас бортанули, билеты продавали по каким-то спискам. На вторую декаду мы обнесли крыльцо ДК Первой пятилетки туристским канатом.

Смирнов С. А.: Вот так.

Тульчинский Г. Л.: Да. И жестко стояли. Приехало отделение милиции, с которым я потом дружил, и устроили совещание в кабинете у директора,

³ Дубровский Казимир Маркович (1892 – 1975), отечественный психолог, психотерапевт. Разработал авторскую методику лечения заикания, включая «Метод директивного группового внушения» и «Метод одномоментного снятия заикания».

чтобы билеты продавали в порядке живой очереди. И мы следили за порядком продажи. А поскольку мы уже столько дней вместе тусовались, написали манифест Клуба любителей высших интересов и пришли с ним в горкомсомола.

Смирнов С. А.: А-а. Замечательно.

Тульчинский Г. Л.: Мы попали на очень приличного человека. Он сказал: «Ребята, только не это. Езжайте в ДК им. Ленсовета. Там нужно делать клуб любителей театрального искусства». И вот мы сделали клуб любителей театрального искусства, а уже потом много чего было, от нас потом отпочковались два киноклуба, театр «Суббота». Наш клуб существовал достаточно долго, несколько лет. Всё это как-то стимулировало. Кроме того, надо мной не довлела армия.

Смирнов С. А.: Ага.

Тульчинский Г. Л.: По ряду причин. Кроме того, я уже был женат, у меня уже ребёнок был. Я не спешил. Параллельно я закончил курсы молодого журналиста в газете «Смена». Писал уже, публиковался. Но понял, что в журналистику приходят кем-то и откуда-то, и на факультет журналистики идти не интересно. Как-то ехал на дачу, которую мы снимали в Сосново, к жене с дочкой, тогда малышкой. Вагон был пустой, я стоял у открытого окна и в какой-то момент понял, что я философ, и надо идти на философский факультет.

Смирнов С. А.: А-а. То есть были какие-то представления о том, что моё, а что не моё ...

Тульчинский Г. Л.: Да, больше никуда идти не надо. И всё. Поэтому своё философское рождение я, условно, конечно, но идентифицирую как вот эту сцену в пустой электричке.

Смирнов С. А.: Хорошо. Ну, и первый Вергилий появился там, в университете, собственно, по философии?

Тульчинский Г. Л.: А там тоже отдельные сюжеты. На дневное-то меня не взяли. Там были такие «вергилии». На вступительном экзамене мне достался билет по истории, в котором было что-то про Древнюю Русь и историческое значение XX съезда КПСС. Это был 1968 год, лето 1968 года. Значит, два экзаменатора. Я начал с исторического значения XX съезда. Как умная Маша с вымытой шеей, начал с Ленинградского дела. Чувствую, у одного экзаменатора заgrimas наливаются, наливаются, и в какой-то момент он начинает кричать на меня: «Вы хотите сказать, что историческое значение XX съезда заключается только в том, что партия осудила культ личности?». Но я уже понял, что к чему, и говорю: «Да нет, там же и директивы к пятилетнему плану были приняты». «Так с этого и надо было начинать!». Про Древнюю Русь я ответил. Мне поставили «пятерку». Набрал проходной балл. Но на собеседовании мне сказали, что у меня нет отработки после техникума, двух месяцев не хватает. Хотя у меня была справка из Института профтехзаболеваний о том, что я не могу работать конструктором – у меня слезы текут. А мне говорят: «Нет. Вы должны хоть дворником, но отработать». Спрашиваю: «И что делать?». Они говорят: «Идите на вечернее». Я говорю: «А перекинуть документы нельзя?» – «Нет. Сдавайте по новой». – «А когда экзамен?». – «Завтра». И я повторно сдавал экзамены, поступил на вечернее. После первого семестра меня рекомендовали на дневное. Но меня не перевели. После второго семестра я снова подавал. Меня не перевели. После первого семестра второго курса я тоже подавал

на дневное. Меня не перевели. Других – переводили, меня – нет. И в какой-то момент, а я тогда курил, мы в курилке стояли вместе с преподавателем, который был замдекана по работе со студентами. И он сказал: «Эх, Тульчинский, Тульчинский, был бы ты член партии, был бы ты на дневном». Я говорю: «А что такое?» – «Ты сдавал вступительный экзамен завотделу пропаганды и агитации горкома КПСС».

Смирнов С. А.: И он вручил «черную метку».

Тульчинский Г. Л.: И он оставил своей личной рукой запись: «Нам такие не нужны». Ну, вот и всё.

Смирнов С. А.: Понятно.

Тульчинский Г. Л.: У меня уже ребёнок второй пошёл, и я плюнул на это дело и заканчивал вечернее. Такая группа «вергилиев» мне помогла сориентироваться. А самое главное – на собеседовании меня спрашивали: «Зачем Вы пришли, что вас интересует в философии?». Я говорю: «Да много чего: проблемы сознания, философия естествознания». Говорят: «А что именно?» – «Ну, вот, например, происхождение нефти – Органическое или неорганическое?». Уже тогда понял, что земля сочится нефтью – куда ни ткни, только на разной глубине.

А на втором курсе у меня как-то сложилось с логикой, и, помню, мы ходили с преподавателем математической логики Борисом Ивановичем Фёдоровым по коридору часа два. И он завербовал меня на логику. Борису Ивановичу я многим обязан. На втором же курсе он помог с читательским билетом в библиотеку Академии наук. И я сидел в библиотеке Академии наук и мог брать на дом то, что не в спецхране. Это было просто замечательно для студента-вечерника. И потом, когда у меня была проблема с изданием монографии (тоже отдельная тема), он мне помог в этом плане сориентироваться. Поэтому есть люди, которым я по гроб жизни обязан. И Борис Иванович в этом плане – один из первых.

Смирнов С. А.: Хорошо. Значит, что получается. У философа автобиография не сочиняется задним числом, а...

Тульчинский Г. Л.: Нет, ну почему же, кто-то сочиняет.

Смирнов С. А.: Пускай. Но мы понимаем, что она уже делается его же действиями. Он в этом смысле поступками её уже создаёт. Другое дело – понимает ли он, что создаёт, какие поступки совершает. В этом смысле можете ли Вы вспомнить свой первый философский поступок?

Тульчинский Г. Л.: Первый философский поступок. Философский именно, да? Ну, первый – это то, что я понял, что я философ.

Смирнов С. А.: Это я понял.

Тульчинский Г. Л.: Второй – когда я понял, что надо идти на логику. Дальше, если говорить о философских каких-то поступках, это когда я по окончании университета прошерстил все 36 вузов в Питере в поисках работы.

Смирнов С. А.: 36 вузов в Питере?

Тульчинский Г. Л.: Тогда было. И понял, что мне там не работать. Один из заведующих кафедр в какой-то момент затащил меня в свою выгородку (где у него такой кабинет был) и говорит: «А теперь скажите честно, Вы еврей или нет?» Я сказал: «Ну, мать у меня – русская, папа – еврей, инвалид Великой Отечественной войны».

Смирнов С. А.: А почему это так значимо было для него? И что?

Тульчинский Г. Л.: А это было то время.

Смирнов С. А.: Вот эта графа еще играла.

Тульчинский Г. Л.: Да. «Вы, говорит, поймите меня правильно». Я говорю: «Я Вас прекрасно понимаю». В другом случае, когда меня завкафедрой брал, он послал меня к инструктору райкома партии. И эта дама мне сказала, выйдя в коридор: «Вы, Григорий Львович, с Исааком Александровичем работать не будете». И вот тогда я ушел работать в Ленокеанрыбфлот.

Смирнов С. А.: Ленокеанрыбфлот?

Тульчинский Г. Л.: Да. Это база торгового флота в Питере была.

Смирнов С. А.: Это поступок. После философского факультета.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Замечательно. И что?

Тульчинский Г. Л.: Из меня там стали потихоньку готовить...

Смирнов С. А.: Какого-то такого руководителя?

Тульчинский Г. Л.: Начальника отдела труда и заработной платы с перспективой на зама по экономике.

Смирнов С. А.: Ясно.

Тульчинский Г. Л.: Когда меня брали, я сказал, что много кем работал, но у меня нет опыта в экономике и радиоэлектронике. Мне сказали: ну, тогда у Вас ещё много чего впереди. А я уже в какой-то момент думал выкинуть все книжки по философии. Но не выкинул.

Смирнов С. А.: И правильно.

Тульчинский Г. Л.: Но это ещё не совсем поступок – просто руки не дошли и немного жаль было. А вот, если Вас интересует конкретный философский поступок... Закончил я факультет с рекомендацией в аспирантуру, но тогда вся аспирантура была целевая – от организации, реального или потенциального места работы. А я работал не по специальности.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Тогда я ещё по привычке два раза в неделю ездил в БАН (библиотеку Академии наук) и обедал в университетской столовой. И вот, стою я в очереди, а где-то сзади меня, человек через десять, замечаю Асю Филипповну Чернову, которая отвечала за работу с аспирантами на философском факультете. Она мне и оформляла ту рекомендацию в аспирантуру. Я пригласил её встать впереди меня. Это и оказался мой философский поступок. Мы с ней разговорились. Она говорит: «И как у тебя дела?» Я говорю: «Никак. Думаю, эту рекомендацию ламинировать и в туалете повесить». Она говорит: «А почему?». Я говорю: так и так. Она говорит: «Собери все документы и отнеси в отдел аспирантуры университета». Я говорю: «Ну, и что?» – «Ну, скажи, что я тебе сказала, чтобы ты отнёс». И я отнёс. Мне сказали: «Всё. Ждите приказа». Я говорю: «Приказа о чём?» – «О зачислении». Меня зачислили соискателем для сдачи кандидатского минимума. А диссертация у меня, в принципе была – моя дипломная работа.

Смирнов С. А.: Да. Сдал экзамены – и на защиту.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вот таким образом я оказался студентом-заочником, аспирантом-соискателем. И благодаря Асе Филипповне я получил доступ к защите кандидатской.

Смирнов С. А.: А кандидатская у Вас была по...

Тульчинский Г. Л.: По логике.

Смирнов С. А.: А логика какая? В те годы ещё гремел А. А. Зиновьев в Москве? В те годы-то были властители дум в Москве – Э. В. Ильенков, А. А. Зиновьев. А здесь в Питере как? Или здесь была своя песня?

Тульчинский Г. Л.: У нас тоже свои были. В Москве ещё был Владимир Александрович Смирнов.

Смирнов С. А.: Да. П. В. Копнин был в Киеве.

Тульчинский Г. Л.: И в Новосибирске уже был В. В. Целищев. Валентин Фердинандович Асмус, когда приезжал в Питер (я это опубликовал, кстати), рассказывал такую историю, что у него учебник по логике вышел в 1947 (или 1948 – не помню), а в 1951 за ним приехали.

Смирнов С. А.: Воронок?

Тульчинский Г. Л.: Да. Он взял корзиночку, которая была у него приготовлена. Его повозили по Москве, привезли.

Смирнов С. А.: И вернули?

Тульчинский Г. Л.: В Кремль. И вышел к нему Иосиф Виссарионович и говорит: «Вы профессор Асмус?» Он говорит: «Да». – «Говорят, Вы написали книгу по логике». Он говорит: «Да». – «У меня к Вам просьба, профессор, научить логике Политбюро и Совет министров. А то они говорят «значит», а это ничего не значит. Они говорят «следует», а это ниоткуда не следует». И Асмус его спросил: «А какой логике учить, Иосиф Виссарионович?» Он говорит: «Как какой логике?». Асмус говорит: «Ну, есть же диалектическая логика, формальная логика, математическая логика». А Сталин показал на лежавший у него на столе учебник Г. И. Челпанова по логике для духовных семинарий, такой, потрепанный...

Смирнов С. А.: Сталин читал Челпанова? Очень интересно.

Тульчинский Г. Л.: «Не знаю, профессор. Я знаю вот эту логику. Этой логике и учите». И Асмус читал спецкурс для Совмина и Политбюро, после чего была введена логика в средней школе. А после смерти Сталина её опять отменили.

Смирнов С. А.: Это в те годы Г. П. Щедровицкий преподавал логику в школе, как раз в этот период попал⁴.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Интересный эпизод. Не знал, что Сталин читал Челпанова. Ну, это же очень интересный эпизод.

Тульчинский Г. Л.: Сталин много чего читал. А диссертация была по логической семантике формализованных языков науки.

Смирнов С. А.: Да. Хорошо. Так. Тогда на фоне личной жизни...

Тульчинский Г. Л.: Там ещё были какие-то философские поступки.

Смирнов С. А.: Вы можете назвать свой первый философский авторский текст, где Вы поняли, что рождается автор Тульчинский? Ну, так про себя, может быть, или это уже...

Тульчинский Г. Л.: Самый первый текст, самый мой первый опубликованный текст? Но до этого у меня были некие такие «почеркухи».

Смирнов С. А.: Ну, да. Мы же всегда тренируемся.

Тульчинский Г. Л.: «Почеркухи» до публикаций я думал даже опубликовать в качестве третьей части «Опыта персонологической систематизации».

⁴ Ещё будучи студентом, Г. П. Щедровицкий начал преподавать логику, психологию и физику в школе. Он работал школьным учителем в 1951 – 1958 г.г.

А первая публикация была в сборнике «Типы в культуре», который издал Лев Самуилович Клейн. Это вообще замечательный человек, уникальнейший учёный, археолог. У него где-то лет 5 назад вышла книга большая под названием «Трудно быть Клейном». Но о Клейне нужно отдельно говорить. И я, ещё будучи студентом, когда тот же Борис Федоров, который был его учеником в школе, посоветовал меня Клейну, которому нужен был логик для участия в его научных семинарах, и я помогал ему в организации научной конференции «Типы в культуре». И делал там доклад с опорой на эпистемическую логику, логическую семантику модальных систем. А когда вышел сборник с материалами конференции, мой отец спросил: «Что, тебя здесь ругают?». Я говорю: «А что такое?» – «Ну, такое название: Типы в культуре».

Смирнов С. А.: Типажи, да. Типчики.

Тульчинский Г. Л.: Это был абсолютно первый текст. А второй текст – был депонированный. Я уже работал почасовиком в Институте инженеров водного транспорта. И Анатолий Соломонович Кармин взял меня в свой сборник. И там у меня была статья как раз по философской интерпретации.

Смирнов С. А.: Ну, это уже пошли свои публикации.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: У Вас в соавторах постоянно значится Эпштейн.

Тульчинский Г. Л.: Не столько соавтором, сколько мы вместе реализуем некоторые проекты.

Смирнов С. А.: В последнее время.

Тульчинский Г. Л.: Ну, не в последнее, а как-то мы...

Смирнов С. А.: Ну, достаточно давно уже. С Проективного словаря?

Тульчинский Г. Л.: Нет.

Смирнов С. А.: Ещё раньше?

Тульчинский Г. Л.: Мы с Михаилом раньше были знакомы. Мы же два «параллельщика». Я же был в «параллельной культуре» в Питере, а он был в андеграунде в Москве. Близко мы познакомились с ним на конференции, которую проводили два этих сообщества при помощи ещё живой тогда Лидии Яковлевны Гинзбург, при участии Вячеслава Всеволодовича Иванова. Михаил тогда второй раз приезжал. До этого проводил семинары в Питере. У нас Борис Гройс ещё только-только уехал. Татьяна Горичева, по-моему, только-только уехала. Ещё О. Свиблова не была замужем в Париже. Контекст был довольно хороший. Вот тогда мы с Мишей и познакомились.

Смирнов С. А.: Замечательно. А у Вас не было искушения уехать? Ну, он уехал. Ладно.

Тульчинский Г. Л.: Нет. Михаил не хотел уезжать.

Смирнов С. А.: А, его заставили? Вынужден был?

Тульчинский Г. Л.: Михаил уезжать не хотел.

Смирнов С. А.: Так получилось.

Тульчинский Г. Л.: Нет. Это жена и теща.

Смирнов С. А.: А, жена. Это отдельная история. Ладно. Это их семейные дела. А у Вас не было соблазна? Просто так в жизни складывалось ...

Тульчинский Г. Л.: Я был не выездной. И потом, у меня семья.

Смирнов С. А.: Вы были ещё и не выездной.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: В смысле из-за...

Тульчинский Г. Л.: У меня двое детей уже были, на руках четверо стариков. И потом, я врос в русский язык и русскоязычную культуру.

Смирнов С. А.: Да. Без языка невозможно. Но, несмотря на это, всё-таки Вы в русской культуре оседлый или кочевой автор?

Тульчинский Г. Л.: Я вопрос не понял.

Смирнов С. А.: Ну, кто-то себя осознаёт таким постоянным кочевником, который меняет места обитания, места работы, способы мышления, способы жизни, уклады. А есть кто-то оседлый, который сел на всю жизнь и сидит.

Тульчинский Г. Л.: Нет, есть люди, которые просто сидят и сидят. А есть люди, которые как-то развиваются. И «муж совершенномудрый путешествует по поднебесной, не выходя со двора».

Смирнов С. А.: Естественно. Но одно дело – приключение мысли, другое дело – все-таки постоянные метаморфозы.

Тульчинский Г. Л.: Не знаю, я изъездил всю страну, а теперь не только страну, много где был. И везде я вписываюсь, мне комфортно.

Смирнов С. А.: И в этом смысле нет проблем – везде комфортно? Потому что с собой всё нормально. В этом смысле всегда место найдешь для себя. Да?

Тульчинский Г. Л.: Вот, поездив, я понял, где бы я мог жить и работать.

Смирнов С. А.: Где хорошо.

Тульчинский Г. Л.: Ну, где нормально. Это Берлин. Вот в Штатах работать – идеальные условия. Просто идеальные условия для работы. А жить скучно.

Смирнов С. А.: Но жить скучно.

Тульчинский Г. Л.: Во Франции, в Италии жить прекрасно.

Смирнов С. А.: Но работать тяжело.

Тульчинский Г. Л.: Но работать как-то...

Смирнов С. А.: Не то.

Тульчинский Г. Л.: В Риме очень хорошо.

Смирнов С. А.: В своё время я испытал соблазн в Голландии. Очень комфортно работать и даже жить интересно. Но язык меня всё равно вернул домой.

Тульчинский Г. Л.: Голландия – да, тоже, наверное, хорошая. Но я вопроса до сих пор не понял.

Смирнов С. А.: Ну, кто-то прямо себя так и называет: я – кочевник.

Тульчинский Г. Л.: Ну, пусть называет.

Смирнов С. А.: Ну, пусть. Но там понятно, что больше метафора, чем по существу дела.

Тульчинский Г. Л.: Ну, это известная метафора про номада.

Смирнов С. А.: Да. Номад-интеллектуал такой.

Тульчинский Г. Л.: Нет, нет.

Смирнов С. А.: Хорошо. Тогда перейдём всё-таки уже к зрелой ситуации. Вы «Опыт систематической персонализации» когда решили, что вот пора...? Это когда случилось-то?

Тульчинский Г. Л.: А не знаю. Я стал пописывать байки, у меня был такой период – я три года выезжал в Хельсинки и читал там курс. И поскольку я его читал в комфортной ситуации – это две пары в неделю (чуть больше месяца), – у меня была масса свободного времени. И с компом. И я начал пописывать. Начал пописывать там, а продолжал уже в деревне. Уловил систематизацию, которая приведена в книжке... Вообще все эти истории я хотел мелким-мелким шрифтом набрать. Потому что там именно самое главное в предисло-

вии сказано про систематизацию, какие истории мы рассказываем, про жанр. Я понял, что это жанр философствования. И вот, наверное, это и пошло. Только какие года – я даже не помню. Но это был длительный такой процесс вызревания.

Смирнов С. А.: И потом уже появились «Истории по жизни» после этого, пошли как ответвление?

Тульчинский Г. Л.: Я даже не думал их публиковать. А в какой-то момент подвернулась такая возможность. И, может быть, я слегка поспешил. Как мне Анатолий Соломонович Кармин сказал: «Слушай, такие вещи публиковать тебе было рано. Такие вещи публикуют в конце жизни».

Смирнов С. А.: Может быть, как раз, наоборот, интересно сейчас: опубликовал и посмотрел, как круги по воде пошли.

Тульчинский Г. Л.: Вот. И этот проект сработал. Как уже говорил, очень многие вещи о себе узнал. Это был именно проект, из которого я очень многие вещи узнал про своих близких. Мне моя любимая теща сказала тогда: «Ты знаешь о том, что ты мне нож в спину всадил этим текстом?»

Смирнов С. А.: Вот так.

Тульчинский Г. Л.: Да. Мы с ней очень обстоятельно поговорили, и наши отношения изменились в ещё лучшую сторону. Более того, она спустя год после этого опубликовала свои две книжки.

Смирнов С. А.: Это интересно. Я, кстати, эту книгу и не видел. Она в Питере издана?

Тульчинский Г. Л.: Да, в Питере.

Смирнов С. А.: В «Алетейе»?

Тульчинский Г. Л.: В «Алетейе», да.

Смирнов С. А.: Но она уже, наверное, не продаётся. Где взять-то? Это же давно уже было.

Тульчинский Г. Л.: Ну, напомните мне – могу сбросить файл.

Смирнов С. А.: Хотя бы файл. Хорошо. А теперь всё-таки про других авторов. Вот говорят: плохая автобиография, хорошая. Что значит «плохая» и «хорошая»? Знаете ли Вы примеры, не то, чтобы хороших, плохих, успешных, неуспешных, но адекватных автобиографий, удачных в этом смысле и примеры неудачных? Августин – понятно, Абеляр – понятно. А А. А. Зиновьев, его «Исповедь отщепенца»?

Тульчинский Г. Л.: Ну, так, неоднозначно, например, с Абеляром....

Смирнов С. А.: Вот. То есть мы как бы интуитивно всё-таки подкладываем представление про то, что такое удачная или неудачная автобиография...

Тульчинский Г. Л.: С точки зрения стилистики?

Смирнов С. А.: Нет, с точки зрения правды: наврал или не наврал, искренний или неискренний, про себя или не про себя, нарцисс или не нарцисс, или псевдо-юродивый...

Тульчинский Г. Л.: Не верю, что есть какая-то однозначная правда.

Смирнов С. А.: Правда авторского слова.

Тульчинский Г. Л.: Не знаю.

Смирнов С. А.: Я не про объективный факт. Я про... она всегда такая, правда моей жизни, особая. Она же не про метрики.

Тульчинский Г. Л.: Она меняется.

Смирнов С. А.: Она меняется.

Тульчинский Г. Л.: Потому что позиция меняется.

Смирнов С. А.: Но в момент речи я чувствую...

Тульчинский Г. Л.: Так это чувства, это интерпретация. Автора, читателя.

Смирнов С. А.: Но всё равно есть автобиографии, которые читаешь – и хорошо. То есть переключка идёт, созвучие.

Тульчинский Г. Л.: Ну, значит, у Вас созвучие есть, есть сопереживание.

Смирнов С. А.: А какие для вас созвучны?

Тульчинский Г. Л.: Я сказал: это Августин.

Смирнов С. А.: Это Августин.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: А после него что-нибудь было в истории философии из философских автобиографий?

Тульчинский Г. Л.: Ж.-Ж. Руссо – нет.

Смирнов С. А.: Созвучия не получается?

Тульчинский Г. Л.: Нет. Вроде, мысли есть, всё хорошо...

Смирнов С. А.: Но не про то.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вы Зиновьева вспомнили. Зиновьев Александр Александрович вообще замечательный человек, очень симпатичный.

Смирнов С. А.: Я имею в виду его «Исповедь отщепенца».

Тульчинский Г. Л.: Тоже. Ну, это же всё самооправдание.

Смирнов С. А.: Его.

Тульчинский Г. Л.: В конечном счете.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это строится нарратив.

Смирнов С. А.: Задним числом.

Тульчинский Г. Л.: Из которого понятно, что автор – молодец.

Смирнов С. А.: Конечно. Причем везде, со всеми, и всех победил.

Тульчинский Г. Л.: Как в песне у С. Шнурова: Кто молодец? Он молодец.

Смирнов С. А.: Я и говорю, что мне такие тексты не созвучны. Потому что человек-то исчезает под Монбланом своих навороченных конструкций, самооправданий задним числом. И он и так многостраничен (Александр Александрович) с его этими романами...

Тульчинский Г. Л.: Потому что, если ты хочешь понять человека, тебе надо почитать другие его тексты, надо почитать тексты о нём. Если ты хочешь его понять.

Смирнов С. А.: Его, да.

Тульчинский Г. Л.: А так, когда ты читаешь (просто так читаешь), ты понимаешь себя только: созвучие или несозвучие. Открываешь в себе какие-то новые темы и всё. И я бы не сказал, что правда или неправда.

Смирнов С. А.: Ну, правда слова. По Бахтину. Понятно, что не про объективность.

Тульчинский Г. Л.: Бахтин тот еще гусь.

Смирнов С. А.: Гусь?

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: А вот, кстати, этот самый гусь, который тоже, вроде как, не любил автобиографии, но В. Д. Дубакину-то наговорил много чего. И иногда исследователи теряются от его нарратива, который, устно наговорив Дубакину про свою жизнь, он же тем самым построил миф о себе. Может быть, даже не хотел.

Тульчинский Г. Л.: Михаилу Михайловичу уже никуда не деться от того мифа, который вокруг него есть.

Смирнов С. А.: О нём уже, конечно, много чего...

Тульчинский Г. Л.: Миф о нём строился задом наперёд. Потому что рецепция работ Михаила Михайловича была в обратном хронологическом порядке. Потому что благодаря В. В. Кожинovu...

Смирнов С. А.: Ну да, в начале 60-х московские филологи вдруг открыли его, приехали в Саранск...

Тульчинский Г. Л.: Они его открыли и опубликовали сначала книгу о Ф. Рабле и карнавале. Своё добавили и публикации в Трудах по знаковым системам.

Смирнов С. А.: Да, Ю. М. Лотман и другие.

Тульчинский Г. Л.: Потом переводчики. Это Ю. Кристева, К. Кларк и другие его восприняли чуть ли не как структуралиста. Хотя его работа о Ф. Рабле, она самая его нетипичная работа. Там он попытался чёрта за хвост ухватить. Если кто внимательно читал его. Потом вспомнили про его работы по поэтике Достоевского, про диалогичность. И В. С. Библер его воспринял чуть ли не как коммуникативиста.

Смирнов С. А.: Ну, тоже, кстати. А он сочинил миф про Достоевского – якобы он диалогист.

Тульчинский Г. Л.: В том-то и дело. Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. С. Пушкин – не меньшие «диалогисты». А потом вышел бахтинский текст про поступок. Для тех, кто внимательно следил за Бахтиным, всё понятно было, что именно это дерево, а далее веточки и листики. И кто читал старшего брата его...

Смирнов С. А.: Николая, да.

Тульчинский Г. Л.: И понимал про контакты с Л. В. Пумпянским, с М. В. Юдиной, для них М. М. Бахтин открывается как глубоко религиозный метафизик-персонолог. Он же был отжаты от философии в филологию – феноменологией занимался, метафизикой нравственности на филологическом материале.

Смирнов С. А.: Так. Да.

Тульчинский Г. Л.: И он о персонологической метафизике нравственности заговорил почти одновременно с М. Бубером, на несколько лет раньше М. Хайдеггера, Э. Левинаса. Но остался миф. Я был на 14-м Бахтинском конгрессе в Бертиноро. И самая представительная делегация, 80 человек, была из Бразилии. Потому что по Бахтину читают курсы в средней школе. Потому что Бахтин – специалист по карнавалу.

Смирнов С. А.: Ну, для латинских ребят самое то – карнавал осмыслять.

Тульчинский Г. Л.: И у нас по Бахтину проходят славные конференции – например, этой осенью в Москве такая пройдет. Организаторы – замечательные люди, но и они включают Бахтина в контекст уличного театра и карнавала.

Смирнов С. А.: Карнавала. Ну, нормально.

Тульчинский Г. Л.: Поэтому о Бахтине своя легенда, которая живёт своей жизнью.

Смирнов С. А.: Тогда, вспоминая персонологию, Ваша персонология является какой? Вы же, я понял, не совсем любите слово «антропология», Вы больше про персонологию?

Тульчинский Г. Л.: Нет, антропология – ради Бога.

Смирнов С. А.: Я к тому, что не вещать надо про человека, а вопрос про феномен поступка личности думать. Вот про это Вы предпочитаете. Правильно я понял?

Тульчинский Г. Л.: Это тренд развития философии, которая все больше из недр антропологии в настоящее время выходит на персонологию. А в связи с цифровизацией, в связи с проблемами искусственного интеллекта, Интернета вещей – всё более отчетливо становится ясно, что главная сейчас проблема – не столько антроподицея, сколько уже персонологицея. Где, что, кто и когда личность? Потому что в наше время личность постепенно переходит «с белка на песок».

Смирнов С. А.: С белка на песок?

Тульчинский Г. Л.: Имеется в виду, с белковой основы на кремниевую.

Смирнов С. А.: А, в этом смысле. Ну, это носитель меняется. Но вот Михаил Наумович Эпштейн предложил трансгуманизм свой. Он последователь этого кремния. Нет?

Тульчинский Г. Л.: Ну, нет, не совсем. Михаил сложнее.

Смирнов С. А.: Он не ярый последователь трансгуманизма?

Тульчинский Г. Л.: Как Виролайнен написала в отзыве на Проективный философский словарь в «Новом мире» (который не заказывал никто, это неожиданно свалилось на нас), что составители и редакторы этого словаря – уникальные люди, потому что они пережили постмодернизм, в общем-то, его не заметив.

Смирнов С. А.: Ну да, всё правильно. Я согласен. Но дело в том, что переход на песок и все эти сетевые цифровые дела – сейчас актуализировали проблему, как бы, не знаю, потери, утери человеком себя, или метаморфоза человека. Но персонология-то раньше началась.

Тульчинский Г. Л.: Началась раньше. Я имею в виду акцентировку. Потому что большая часть истории философии посвящена проблеме сущего. И, значит, онтологии и проблеме истины. Начало XX века, да и конец XIX – на первый план начинает выходить вот эта гносеолого-эпистемологическая тематика. Каким образом мы узнаем о сущем, вот это истинное знание, откуда оно берётся? И потом смещение акцентов, которые тоже на глазах произошло – одно соотношение неопределенностей и принцип дополнительности чего стоят. Это зависимость нашего знания от метода.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: Дальше. Зависимость этих методов от нормативно-ценностных, культуральных установок и от языка. Лингвистический поворот («язык – дом бытия»), культурологический поворот и так далее.

Смирнов С. А.: Да. Все вот эти повороты.

Тульчинский Г. Л.: Понятно, что от культуры очень многие вещи зависят. Но культура сама по себе не живёт. Она живёт только в носителях культуры. Происходит антропологический поворот...

Смирнов С. А.: Вот он и повернул к личности.

Тульчинский Г. Л.: Да. То, что источником, инструментом, материалом и результатом всего этого процесса является носитель возможности познания трансцендентного, носитель свободы, каковым пока является только человеческая личность.

Смирнов С. А.: Именно смысл и пафос антропоповорота в этом.

Тульчинский Г. Л.: Я бы не сказал, что антропоповорот. Для меня это промежуточная стадия к персоне.

Смирнов С. А.: Но она ведь от папы с мамой не даётся, как известно, – она строится. Это понятно.

Тульчинский Г. Л.: Я к тому, что персонология – она всегда была. Потому что смыслообразование, как сам смысл – это феномен системы, конечной в пространстве и времени, пытающейся постичь бесконечное.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: И вынужденной делать это всегда с какой-то точки зрения, в каком-то ракурсе, с какой-то позиции, в каком-то смысле. Смысл есть порождение вот такой конечной системы, каковой является человек как носитель самосознания. Или то, что Василий Васильевич Налимов говорил о семантическом вакууме и мю-функции. Когда из семантического вакуума высекается смысл при воздействии на него этой точки сборки свободы и ответственности. Как из вакуума физического при энергетическом на него воздействии высекаются элементарные частицы.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: Ещё раз говорю, это было всегда. Личность, наделённая сознанием есть первое условие познания. Но только сейчас произошёл выход этого на первый план, переакцентировка. Клавиши в философии всегда одни и те же, но аккорды берутся ...

Смирнов С. А.: Аккорды разные.

Тульчинский Г. Л.: В настоящее время аккорд берётся на личности всё больше и больше. Поэтому для меня персонология – это просто смещение акцентов.

Смирнов С. А.: Но ведь вызов-то в чём? Вызов же не просто в самой по себе цифре. Вызов заключается в том, что тогда мыслить и действовать надо по-другому. Нечего тогда паяться на человека и продолжать его описывать как сущее, а, собственно говоря, понимать и строить личность, она же пестует-ся в особых личностно ориентированных антропопрактиках.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Тогда обсуждать надо практики, собственно говоря, как они устроены, их описывать и рефлексировать. И это будет контентом, содержанием, собственно, философских текстов.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вот я ещё один заход сделаю. Ладно?

Смирнов С. А.: Ну.

Тульчинский Г. Л.: Важно осознание того, что социальные науки и общество (и значит и экономика) не самоценны. Они являются инфраструктурой, которая обеспечивает порождение и поддержку чего-то. Этим чем-то является некий способ жизни, т. е. культура, которая и есть определённый способ жизни. Но и культура не самоценна. Потому что, когда культура становится самоценной, начинается национализм, начинается шовинизм, начинаются всякие искушения.

Смирнов С. А.: Ну, и богема всякая.

Тульчинский Г. Л.: Да. Потому что культура сама по себе не самоценна. Она тоже является инфраструктурой, порождающей, сохраняющей, обеспечивающей развитие того, что является личностью. Потому что культуры вне носителей культуры нет, она мертва.

Смирнов С. А.: Да. Это же только артефакты. Надо, чтобы они задышали.

Тульчинский Г. Л.: В конечном счете, и личность не самоценна. Когда личность становится самоценной (персоноцентризм), возникает эгоизм, эгоцен-

тризм и т. п. Сама личность является инфраструктурой, порождающей нечто и поддерживающей это нечто, то есть самосознание и чувство свободы, способность к трансцендированию в иное. Пока к этому способна только человеческая личность. Мне говорят: не только. Но про это я не знаю.

Смирнов С. А.: Да, мы не знаем. Но если так, то тогда ведь создание автобиографии не сводится к скриптизации.

Тульчинский Г. Л.: Это одна из практик сохранения определённых смысловых нарративов. Есть биография, а есть CV.

Смирнов С. А.: Ну, CV – это CV.

Тульчинский Г. Л.: Есть резюме.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: А это всё-таки некое сюжетное смыслообразование. Всё-таки автобиография – это скрипторика какого-то пути, поиска... Или то, что Вы говорили: автобиография – это философский текст. Это некий смыслообразующий текст. Один из жанров философствования.

Смирнов С. А.: Но он необходим философам?

Тульчинский Г. Л.: Не-а.

Смирнов С. А.: То есть можно обойтись без него.

Тульчинский Г. Л.: Спокойно.

Смирнов С. А.: Но он же всё равно действует.

Тульчинский Г. Л.: Ещё раз говорю, он действует, он живёт. Ну, а «слабонервные» ещё и пишут.

Смирнов С. А.: Да. Но я про что говорю? Вы-то не удержались и стали писать.

Тульчинский Г. Л.: И нормально.

Смирнов С. А.: И нормально. И получили новый опыт.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Вот так. Не написали бы – не получили бы. Сделали более объёмную как бы сферу жизни.

Тульчинский Г. Л.: А мог бы что-то другое сделать.

Смирнов С. А.: Ну, да. И, кстати, в этой связи вопрос такой: а параллельно у Вас продолжалась вот эта жизнь в области маркетинга, брендинга, которая началась ещё с того момента, когда вы работали в Ленокеанрыбфлоте? Или как?

Тульчинский Г. Л.: Отчасти – да. Потому что мы открывали магазины «Океан», выставки «Инрыбпром»...

Смирнов С. А.: То есть это тоже давно было?

Тульчинский Г. Л.: Давно. Всё давно было. И когда я пришёл после защиты кандидатской по логике, в институт культуры и искусств, и тогда меня тоже (опять же, в силу некоторых факторов, личностных характеристик) взяли на кафедру управления и экономики. И я там работал, подготовил первый в стране (уже пять переизданий было) учебник по управлению в сфере культуры.

Смирнов С. А.: Да, я помню, есть такой.

Тульчинский Г. Л.: А потом я прочитал курс и сделал одну из первых отечественную книжку по PR, по которой потом составлялись программы курсов.

Смирнов С. А.: А чем это Вам помогает? Это же не просто по жизни так получилось, что Вы там работали. Вы же продолжаете этим заниматься. Зачем философу заниматься маркетингом, пиаром, брендингом? Как это помогает Вам как философу?

Тульчинский Г. Л.: Ещё как помогает. Потому что сейчас я сдал в издательство книгу по философии поступка. Я испугался объёму, когда посчитал – 34 авторских листа.

Смирнов С. А.: Толстая.

Тульчинский Г. Л.: Я посмотрел на полке книжки, у которых 34 листа. Мне стало страшно. Это «Идиот» Достоевского, это «Россия и Европа» Данилевского.

Смирнов С. А.: Ну, где-то 700-800 страниц.

Тульчинский Г. Л.: Да. И что-то мне как-то стало страшновато. Но как раз позиционирование личности в современном обществе – это уже переход от этнического и статусного позиционирования личности к ролевому и даже проектному. И сейчас мы только и занимаемся самомаркетингом, а некоторые ещё и самобрендингом.

Смирнов С. А.: Да. Это только некоторые философы думают, что они не занимаются. Он думает, что если не читает, значит, не занимается.

Тульчинский Г. Л.: Да. И в настоящее время даже наша биография, и наша телесность, наше происхождение, наш профессиональный опыт – это часть публичного капитала, который мы нарабатываем, который сейчас называется социальным и человеческим капиталом.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Тульчинский Г. Л.: Так что, очень даже помогает. Мозги прочищает.

Смирнов С. А.: Прочищает, да. Структурирует и так далее. Причём, начинаешь описывать свои действия как постоянное бренди́рование и ребренди́рование, самомаркетинг...

Тульчинский Г. Л.: И существуют две основные стратегии, в которых личность либо проект (который она продвигает себя сама или её кто-то продвигает), либо она – человек убеждённый, в духе Э. Хоффера, растворяется в массовом движении и обретает смысл жизни, отказываясь от себя.

Смирнов С. А.: Так. Хорошо. Что я ещё не спросил?

Тульчинский Г. Л.: Вы не спросили, по-моему, про других людей.

Смирнов С. А.: Я начал спрашивать – там мы пока никого, кроме Августина, не нашли.

Тульчинский Г. Л.: Нет, у Вас ещё был вопрос такой: разделяете вы личную жизнь...

Смирнов С. А.: Это мы поняли.

Тульчинский Г. Л.: Да. Не разделяю. И у Вас был такой вопрос: отличается ли жизнь философа от жизни любого другого человека, который ведёт уроки в школе, работает врачом? А ничем не отличается.

Смирнов С. А.: Ничем.

Тульчинский Г. Л.: Потому что и учитель тоже философствует. И я давно разделил людей на философствующих...

Смирнов С. А.: И не философствующих.

Тульчинский Г. Л.: И делящихся радостью узнавания чужого философствования. Я их называю преподавателями философии. Которые делятся радостью узнавания чужой философии. Иногда они тоже философствуют, но не всегда. А вот кто ещё помог мне по жизни, да?

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Ну, те, которые не были преподавателями философии, но это философы, – это Спиноза.

Смирнов С. А.: Спиноза.

Тульчинский Г. Л.: Шлифовальщик линз.

Смирнов С. А.: Да, шлифовальщик.

Тульчинский Г. Л.: Это Бахтин. Филолог. Это А. Ф. Лосев, которого тоже отжали в филологию. Это Н. А. Бердяев, который никогда никакую философию нигде не преподавал. Это В. С. Соловьев, которого тоже отжали.

Смирнов С. А.: Бердяев не преподавал?

Тульчинский Г. Л.: Никогда.

Смирнов С. А.: Ну, а в этих своих богословских институтах? В Париже потом, в эмиграции, до этого тоже что-то читал же.

Тульчинский Г. Л.: В Париже он разовые лекции читал. А преподавателем философии не был никогда. В. С. Соловьева отжали от кафедры почти сразу же. Лев Толстой и Ф. М. Достоевский – люди, которые...

Смирнов С. А.: Ну да, хотя вроде бы не философы.

Тульчинский Г. Л.: Но принадлежат к философской культуре чистой воды. Ключевые для понимания российской философской мысли. Поэтому очень много таких философствующих, которые не философы. Тогда кого считать философом-то?

Смирнов С. А.: А как вы относитесь к «Самопознанию» Бердяева? Оно для Вас в созвучии находится?

Тульчинский Г. Л.: Бердяев Николай Александрович автор неоднозначный, переменчивый.

Смирнов С. А.: Но он в нём органичен.

Тульчинский Г. Л.: Потому что Николай Александрович в каждом последующем тексте отказывался от предыдущего.

Смирнов С. А.: И этим интересен. Но это один из поздних его текстов – «Самопознание».

Тульчинский Г. Л.: Но не самый поздний.

Смирнов С. А.: Не самый. Но всё-таки написанный уже...

Тульчинский Г. Л.: Славный текст такой, замечательный, рассказывающий о том времени.

Смирнов С. А.: Мамардашвили написал у себя в дневнике: «Какое же это самопознание? Какая-то самохарактеристика».

Тульчинский Г. Л.: Самохарактеристика и характеристика времени. Там всё.

Смирнов С. А.: Но Вам он интересен как авторский текст?

Тульчинский Г. Л.: Как текст Николая Александровича. Николай Александрович – выдающийся популяризатор философии.

Смирнов С. А.: Популяризатор. Конечно. Да. Я к тому, что трудно судить. Но он был достаточно искренен. То есть, в отличие от Александра Александровича Зиновьева, он искренен? А Александр Александрович, он маленько лукавит и не всегда искренен?

Тульчинский Г. Л.: Но это же лукавство искреннее.

Смирнов С. А.: Я ловлю свои ощущения.

Тульчинский Г. Л.: Но Александр Александрович, он в лукавстве искренний? Он искренне лукавит?

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Значит, он искренен.

Смирнов С. А.: Да, он такой. Просто мне не очень понятно, почему он задним числом своих бывших друзей, например, Ильенкова обозвал «глубинный враг мой». Ну, зачем? Он давно уже помер, покончил с собой. А ты вот приехал в Россию обратно, тебя тут обласкали, облизали, А. А. Гусейнов принял в МГУ на кафедру, а ты вот так относишься. Г. П. Щедровицкого называет имитатором от науки, «потому что мыслит не моей логикой».

Тульчинский Г. Л.: Ну, теломеры некоторые стёрлись.

Смирнов С. А.: Теломеры стерлись?

Тульчинский Г. Л.: Какие-то теломеры стёрлись, с другими вступили в связь, какие-то новые нейронные сети возникли.

Смирнов С. А.: Метаморфоз?

Тульчинский Г. Л.: Да. В тот момент написания, Вы говорите, что лукавство, а он искренен.

Смирнов С. А.: Ну, ладно.

Тульчинский Г. Л.: Кто-то желающий может взять ранние тексты Александра Александровича.

Смирнов С. А.: Нет, его диссертация кандидатская гениальна, безусловно. И «Зияющие высоты» тоже как первый опыт романа, он блестящий. А вот потом пошёл тираж.

Тульчинский Г. Л.: Я не знаю. Я к нему достаточно спокойно отношусь. На мой взгляд, лучший его текст для меня – это его книжка по логическому выводу.

Смирнов С. А.: Да, это потом «Комплексная логика».

Тульчинский Г. Л.: До комплексной, да, и до физической логики. Это раз. И «Желтый дом». С точки зрения быта и нравов тогдашнего Института философии...

Смирнов С. А.: Да, в том числе, поэтому, да. Мне нравились главки его в «Преддверии рая» – «Методологи». Как Вам? Ну, это же продолжение того жанра.

Тульчинский Г. Л.: Но Георгий Петрович, он мог обидеться. Георгий Петрович же, в общем-то, его отжал.

Смирнов С. А.: Отжал? Но силища была же. Ну, не отжимайся.

Тульчинский Г. Л.: Ну, была.

Смирнов С. А.: Значит, позволил, ушёл своей дорогой.

Тульчинский Г. Л.: Но если без сантиментов, мог остаться.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это тогда. А с годами, когда нейронная сеть обросла миелиновой оболочкой и превратилась в кабель, все упростилось, приняло жесткий формат.

Смирнов С. А.: Вот так, да? То есть он, возможно, даже и не осознаёт того, что у него просто так заросло.

Тульчинский Г. Л.: Илиросло.

Смирнов С. А.: Так, что, я всё спросил?

Тульчинский Г. Л.: Нет, не всё спросили. Вы ещё хотели спросить, какие основные эпизоды и какие там авторы, духовные учителя.

Смирнов С. А.: Я просто не стал педалировать. Вы могли бы назвать?

Тульчинский Г. Л.: Запросто. Главное – это чтение каких-то текстов. Из каких-то ключевых текстов я бы назвал тексты Б. Брехта и комментарий по поводу Брехта.

Смирнов С. А.: Интересно.

Тульчинский Г. Л.: В том числе был такой критик В. Д. Днепров (Резник). Для активации моего философского сознания, наверное, сыграла ключевую роль его книга «Черты романа XX века». За ней открылся интерес к Сартру, Камю, потом – Паскалю и так далее. Бахтин сразу стал интересен. Также Я. Э. Голосовкер.

Смирнов С. А.: Вы как-то соприкасались с ним лично?

Тульчинский Г. Л.: Лично – нет.

Смирнов С. А.: Не получилось.

Тульчинский Г. Л.: Не получилось.

Смирнов С. А.: Он же долго жил потом.

Тульчинский Г. Л.: Но вот не получилось. Шкловский Виктор Борисович.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это автор, которому я обязан, может быть, даже больше, чем многим другим.

Смирнов С. А.: Именно как вот...

Тульчинский Г. Л.: Виктор Борисович. Его «О теории прозы». Но самое главное – это всё-таки, наверное, «Сентиментальное путешествие».

Смирнов С. А.: Да. Она же автобиографичная.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Конечно. Да. Он же там такой...

Тульчинский Г. Л.: Замечательные слова: «не историю надо делать, а биографии, из которых и складывается история». А в «Повестях о прозе» он писал, что чувствует себя капитаном Гаттерасом на Северном полюсе, постоянно натываясь на свои следы. Я это вспомнил, когда второй раз приезжал Деррида в Питер и говорил: «Я не знаю, почему вы так носитесь с деконструкцией? Я же ничего не сделал нового, а просто взял и перевёл остранение Шкловского. Вы, наверное, вкладываете какой-то дополнительный смысл в деконструкцию». Ну, в России всегда вкладывали дополнительный смысл в западные конструкции. Шкловский, потом Лебедев Александр Александрович – автор замечательных книг о Французской революции, о народниках, Чернышевском. Написал первую в ЖЗЛ книгу о Чаадаеве.

Смирнов С. А.: Вот. Я-то думал: где же я его... У нас же Тарасов писал о Чаадаеве. А до него был Лебедев.

Тульчинский Г. Л.: А из философов, конечно же Г. Г. Шпет. Из логиков – очень помогли тексты Я. Хинтикки – при всей его неоднозначности. Могу назвать своих учителей, которым я всем обязан. Первый – упоминавшийся Б. И. Федоров. Иосиф Нусимович Бродский на питерской кафедре логики – человек, которому мы все обязаны, все логики питерские. Это Попович Мирослав Владимирович в Киеве, человеку я дважды-трижды по жизни обязан. Он у меня был и оппонентом, и он, когда мне мою книжку докторскую дважды возвращали после негативных отзывов некоего Липинского из Института марксизма-ленинизма, он меня свёл с И. В. Нарским, который дал позитивный отзыв. А он был из Академии общественных наук. И его отзыв перебил отзыв из Института марксизма-ленинизма, позволив книгу опубликовать. Станислав Гусев, человек, с которым мы написали книжку о понимании.

Смирнов С. А.: О понимании. Я помню: такая маленькая книжечка.

Тульчинский Г. Л.: И дальше... Борис Липский, Михаил Эпштейн, Игорь Савкин, с которым мы познакомились ещё по танатологическому обществу.

Смирнов С. А.: Савкин.

Тульчинский Г. Л.: Савкин. Это главный редактор «Алетейи».

Смирнов С. А.: Ага.

Тульчинский Г. Л.: Питерская «параллельная культура»: Борис Останин, Александр Гордон, Аркадий Драгомощенко... Московские коллеги, такие, как Евгений Викторович Дуков, переписка с ним... Очень любопытны оппоненты, которые выступили в качестве критиков.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Я обычно предпочитаю брать медведя в берлоге, иду на прямой контакт, и мы с ним объясняемся. В. А. Кутырев такой есть.

Смирнов С. А.: Кутырев, есть такой автор.

Тульчинский Г. Л.: В Нижнем Новгороде. Он накинулся на Михаила Эпштейна, на меня – по поводу постчеловечности.

Смирнов С. А.: Да, он ярый противник постчеловечности.

Тульчинский Г. Л.: Да. А Савкин как-то предложил мне написать послесловие к его книжке, которую тот прислал в «Алетейю». И я написал ему, что мы спорим не о том. Послали Кутыреву. Он удивился. С тех пор иногда переписываемся. Так вот. Такое вот общение, переписка. Такая живая жизнь какая-то. Вообще, все тексты, и всякое прочее философствование – это побочный продукт одного большого процесса под названием «жизнь».

Смирнов С. А.: Да. Конечно. Так. Ну, а всё-таки «вергилиев» то, философских «вергилиев».

Тульчинский Г. Л.: Которые переводили с круга на круг, что ли?

Смирнов С. А.: Да. Кто ещё?

Тульчинский Г. Л.: Только что я назвал авторов, которым очень обязан.

Смирнов С. А.: А с круга на круг?

Тульчинский Г. Л.: С круга на круг – вот Борис Федоров.

Смирнов С. А.: Федоров.

Тульчинский Г. Л.: Да. Была ещё странная история с моим трудоустройством в институт культуры, в котором участвовало несколько человек, друг друга не знавших. И конечно же – Мирослав Попович.

Смирнов С. А.: И Попович. Киевский.

Тульчинский Г. Л.: Да. Какое-то время я публиковался в Новосибирске у Виталия Валентиновича Целищева, переписывались с ним. Меня даже какое-то время принимали за Новосибирского философа.

Смирнов С. А.: Целищев, кстати, тоже хорошим словом вспоминает Поповича. Он ему тоже сильно обязан.

Тульчинский Г. Л.: Мирослав – замечательный человек. Наверное, вот так вот, если говорить по жизни, вот и всё.

Смирнов С. А.: Это к вопросу, заметьте, о событийности. Вот вы назвали Хинтикку. Хинтикка тоже был в гостях у Целищева, там у него ночевал в Академгородке.

Тульчинский Г. Л.: А ещё сам Целищев был в гостях у Хинтикки.

Смирнов С. А.: Был, да. Я к тому, что я-то только недавно для себя его стал открывать, Хинтикку. Я-то логикой не сильно занимался. Но для меня это не логика, а такая хорошая аналитическая философия, добротная. Я к тому, что, как бы сказать, помогает ли занятие аналитической философией в персонологии?

Тульчинский Г. Л.: Ну, да.

Смирнов С. А.: Тоже прочищает мозги?

Тульчинский Г. Л.: Ещё как. Один Д. Деннет чего стоит?

Смирнов С. А.: Деннет. Да?

Тульчинский Г. Л.: Да. А ещё наш Д. Волков, который много общался с Деннетом, другими аналитиками.

Смирнов С. А.: Мне вот подарил Целищев свою книжку «Философский переписчик». Он там в своих переводных текстах публикует, в том числе, и перевод одних американцев Хайдеггера, где они его костерят, конечно. То есть я к тому, что мы-то пытаемся это использовать, совершая вот это условное деление: континентальная философия, аналитическая философия. Континентальных философов (условно) пытаются использовать аналитики для того, чтобы мозги лучше работали. Но аналитики берут того же Хайдеггера так, буквально, и никак понять не могут, за что его любят в Европе.

Тульчинский Г. Л.: Да они тоже всё понимают.

Смирнов С. А.: А чего они его костерят-то? За что они его не переваривают?

Тульчинский Г. Л.: Уже всё понятно.

Смирнов С. А.: А, уже стали понимать?

Тульчинский Г. Л.: Уже всё понятно. После поездки П. Рикёра, после его лекций. Очень многие вещи меняются. И приходит понимание, что это два конца одной и той же палки.

Смирнов С. А.: Вот именно.

Тульчинский Г. Л.: Ну, условно говоря, если там философия – это теория значения, то континентальная философия – это, в общем-то, философия понимания, а понимание – это значение, а значение в результате языковых игр и всяких прочих дел – это всё-таки понимание. Это два конца одной и той же палки: дёрнешь за один конец – потянется другой.

И сейчас они практически сошлись. Вот очень любопытно читать Деннета по этому поводу. В конечном счёте, даже упоминавшиеся нейронные сети – это наброски нарративов, закрепляющихся в нейронных сетях. В конечном счёте, единственный механизм операционализации процессов формирования сознания в настоящее время – это наррация, которая закрепляется в нейронных сетях. И аналитики, и феноменологи фактически говорят об одном и том же и сходятся в этом.

Или попытки диалогов у Далай-ламы, когда к нему ездили американцы, ездили французы, наши ездили туда – всё упирается в одно: самосознание либо от первого лица, что свойственно континентальной философии и буддизму, либо от третьего лица, что свойственно science и аналитике. И нарративный подход позволяет говорить о самосознании как от первого лица, так и от третьего лица. Это совпадает и с формированием самосознания: ребёнок говорит о себе сначала в третьем лице, а потом переходит в первое лицо. Так что, мост между аналитической философией и континентальной уже построен. Но теперь по этому мосту пойдут танки цифровизации.

Смирнов С. А.: Это большая провокация с этой цифрой. Цифра – это же соблазн большой для человека, опять же. Он же как бы хочет просто взять и иметь. А сознание требует усилия.

Тульчинский Г. Л.: Это очередная органопроекция.

Смирнов С. А.: Да. Ещё одна. Причём она самая провокативная. Одно дело – вот очки: усилил глаза свои. Другое дело – умный гаджет, который провоци-

рует меня на то, чтобы, пардон, не мыслить. Я же отдаю ему всё – все привычные функции и работы. И память отдаю. Всего себя готов отдать.

Тульчинский Г. Л.: Это уже другая большая тема. На мой взгляд, модные до сих пор разговоры о клиповом сознании – это разговоры в пользу бедных. Потому что в настоящее время уже речь идёт о формировании геймерского сознания, когда от человека требуется только реакция и нажатие опций. И всё. Опций, реализующих не им разработанный алгоритм. Человек всё больше просто реализует алгоритм.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: И поэтому в элитных школах и университетах, если мы говорим про Штаты, есть специальные курсы по каллиграфии.

Смирнов С. А.: Чтобы не всё гаджетам отдавать.

Тульчинский Г. Л.: Потому что при работе с гаджетом не активируются пре-фронтальные зоны лобных долей мозга, активируются только зрительные центры. А для того, чтобы активировались память, мышление и другие эвфемизмы сознания (нарративного по своей природе) нужно писать от руки, читать вслух и много-много разговаривать.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Так вот элиту этому учат.

Смирнов С. А.: Но элиту. А остальным – не обязательно.

Тульчинский Г. Л.: А остальным – совершенно не обязательно.

Смирнов С. А.: Ими манипулировать можно.

Тульчинский Г. Л.: Остальные – придаток к машине нажатия опций. И всё. Но потом и они не нужны будут.

Смирнов С. А.: И что? Этому альтернативу надо какую-то выстраивать?

Тульчинский Г. Л.: «И будет ласковый дождь» – как назывался замечательный рассказ Р. Брэдбери.

Смирнов С. А.: Да? Вот вальдорфская школа запрещает гаджеты в детских садах. Но это же только там. А дети всё равно выходят из стен – и вот она жизнь, вся в гаджетах.

Тульчинский Г. Л.: Это совершенно другие ребята. Но ещё раз говорю, другое сознание. Я работаю со студентами давным-давно, и они на глазах меняются. Они интересные ребята. Они знают, где чего брать.

Смирнов С. А.: Это – да. У них всё чётко.

Тульчинский Г. Л.: Это прекрасно. Но то, что нужно ещё от себя что-то делать, у них всё больше и больше проблем.

Смирнов С. А.: Ну, тогда это очень серьёзный вызов персонологии, той самой, которая для нас с Вами сердцевина.

Тульчинский Г. Л.: Это получаются новые неравенства: вот эти пользователи, разработчики и хозяева алгоритмов. Потому что у алгоритмов всегда есть конечный хозяин.

Смирнов С. А.: А философ где? В хозяевах или где?

Тульчинский Г. Л.: А философ, он, как всегда, в ауте, в бахтинской позиции вненаходимости.

Смирнов С. А.: Он осмысляет тренды.

Тульчинский Г. Л.: Да. Если, конечно, способен.

Смирнов С. А.: Если ему дают возможность. Ему же надо осмыслять. Он может долго осмыслять, но...

Тульчинский Г. Л.: Вот эта проблема гуманитарной экспертизы всех разработок, она не только по результату, но и по процессу и вначале – по разработке.

Смирнов С. А.: Ну, заказа на это пока нет. Вы знаете, созрели ли разработчики на гуманитарную экспертизу своих продуктов, понимают ли свою собственную дефицитность?

Тульчинский Г. Л.: Разработчики постепенно созревают.

Смирнов С. А.: Постепенно?

Тульчинский Г. Л.: Они должны понимать, для чего щелкать эти орешки, разрабатывать эти алгоритмы – им должен кто-то ставить задачи.

Смирнов С. А.: И тогда запрос на гумэкспертизу возможен.

Тульчинский Г. Л.: Вызывает запрос на голых гуманитариев, которых у нас оценивают по реквизитам публикаций.

Смирнов С. А.: Да уж, действительно.

Тульчинский Г. Л.: Это, опять же, с Эпштейном был разговор смешной. Я его привлёк сюда, в состав научной комиссии, а в университете спрашивают – а сколько у него публикаций в Scopus, Web of Science? Спрашиваю у него. Он отвечает: «Не понимаю, у нас экспертный совет смотрит качеству содержания публикаций. А вся эта наукометрия – для Бангладеш. Вам-то это зачем?»

Смирнов С. А.: А мы Бангладеш?

Тульчинский Г. Л.: У нас не наукометрия для науки, а наука для наукометрии. Прайс и Налимов, наверное, пришли бы в ужас, доживи они до такой ситуации.

Смирнов С. А.: Ясно. Спасибо. Ставим паузу. Ну что? Мне было интересно.

Тульчинский Г. Л.: Ну, и мне любопытно было.

Смирнов С. А.: Замечательно.